

Допустим, Тамара.

Не стану называть ее настоящее имя. Не потому, что забыл. Просто так же звали лучшую подружку в университете, а еще первую любовь. Это как в детстве, когда не веришь, что любимого дедушку и дворового хулигана могут звать одинаково.

У родных, любимых людей – хорошие, оберегаемые, ласково звучащие во рту имена. А имена обидчиков и врагов режут слух.

Вот поэтому Тамара.

Когда она только устроилась работать, ничего хорошего не ждал. Потому что Тамара устроилась на место Миши. Мише, конечно, повезло найти работу в другой сфере, где и зарплата в два раза выше, и начальник чуть более адекватный. Все приятнее, чем печатать визитки и буклеты, каждую пятницу выпрашивая у директора копеечку. Для меня, только окончившего универ, этот вариант пока еще годился. Для Миши, готовящегося ко второй свадьбе, уже нет. Успев научить меня кое-чему из того, что знал сам, он уволился. Моим начальником стала Тамара.

Наверное, обижаться следовало уже тогда. Я в типографии уже почти год. Тамара – только пять месяцев, как переехала к нам. Тем не менее главная теперь она. Для директора я все еще нелепый паренек. Страшно порой подумать о том, для скольких людей я так и остался в памяти этим самым пареньком.

Название ее города – сухая трава, прогорклая пыль казахской степи. Костанай. Приехала за лучшей жизнью, стало быть. Ну здравствуй, Тамара.

Крупная, со статью пионервожатой. Тяжелые мешки под глазами, сжатые губы, неприятное сходство с Крупской. Но сначала почему-то решил, что срабатываемся. Не то чтобы привык видеть в людях хорошее, просто жизнь еще не научила предугадывать подвох.

Без Миши стало тоскливо уже к концу первой недели. Поговорить, посмеяться, вспомнить будни истфака, на котором учились с разницей в десять лет, – теперь не с кем. Тамара улыбалась полными губами, не разжимая их, и говорила только про работу. Иногда спрашивала, что можно посмотреть в городе, куда сходить, куда съездить. Я охотно отвечал, про это я знал немало. Но ехала Тамара одна. А потом с Лерой.

Вообще-то Лера работала в техническом отделе, чинила и собирала компьютеры с пацанами, смеяась над роликами из интернета. В рот мне ноги! У нее были самые красивые волосы из всех, что я видел. Лицо – нет, но вот волосы...

А у нас в типографии Лера на подхвате. Вернее, была, когда еще Миша работал. Теперь все поменялось – и Лера постоянно при Тамаре. Вместе ходят обедать. Вместе обсуждают скидки в Zara. Вместе ездят на море.

И тут бы мне, конечно, выговориться, выплакаться, капитулировать. Попросить забрать с собой, подальше от смещенной линии сгиба, новых и старых косяков, техотдела, принтеров, резаков, компьютеров, подальше от этой тупой стервы, которая прилюдно меня унизила. Чтобы пережить, забыть, отменить этот день. Чтобы не вспоминать, что я вообще работал в этой типографии.

Я не осуждаю и даже не завидую. Найти подругу в новом городе, на новом месте – это правильно. Тамара же не на месяц сюда приехала. Тамаре нужна эта работа, нужны деньги. Мне, кстати, тоже нужны. Но прибавку просить страшно. Раньше этим занимался Миша.

А вот Тамара не будет этого делать. Потому что я стал косячить. До этого тоже косячил, но тогда и было кому прикрыть. А теперь все буквально из рук сыпется. Печатаешь буклеты – обязательно ошибешься с метками реза и отмахнешь вместе с полями несколько лишних миллиметров. От чего это? От неуверенности, от волнения?

Лера, правда, тоже косячит. Напечатала три партии пригласительных, но неверно отмасштабировала одну из них. Пришел утром, увидел оставленные ею пригласительные, стал сгибать – завтра уже отдавать заказчику. А лента сгиба совсем не там, где должна. Брак, а жаль: бумага дорогая, дизайнерская, плюс полноцветная печать...

Отложил в сторону. Тамары все равно нет, она сегодня задерживается. Часто опаздывает в последнее время. Кажется, что-то по семейной части. Оттого такая раздражительная.

Наконец, вот и она. На полтора часа опоздала. Здравуюсь, потом показываю брак – говорю, Лера неправильно отмасштабировала пригласительные. Надо бы напечатать новые.

Тамару начинает раздувать. Не снимая полушубок (февраль, слякотная мерзость), заполняя собой все больше места – и оттого не имея пространства для разбега, – начинает сразу с крика.

– Да ты достал уже портить продукцию! Сколько можно тебя прикрывать?! Ничего не делал весь январь, теперь на меня все это навалилось!

Как это ничего не делал? Делал много чего, делал за двоих – Тамара ведь брала отпуск, ездила зачем-то в Казахстан. Три недели был один – вроде неплохо справился... Но это я думаю про себя и потом. Тогда – молчу, только рот чуть приоткрыл, на-верное. От неожиданности.

– Вечно надо тебя тыкать носом! Сам ничего не сделаешь, если не скажут! Косячишь, потому что не проверяешь!

Но ведь это Лера...

– Закрой свой рот! Лера лучше тебя работает! У нее производительность труда выше, а получает она меньше!

Парни из техотдела глядят на меня и на Тамару через стеклянную стенку. Такое здесь впервые. Со мной тоже впервые. Я чувствую себя апельсином, с которого сняли кожуру. Нелепым, обмякшим, голым, сочащимся.

Попытка возраз...

– Закрой свой рот!

Почему-то эти слова ранили сильнее всего. Ни обвинения, ни крик, ни сравнение с провинившейся вообще-то Лерой. Требование закрыть рот – и не отвечать словами на слова. Не использовать единственную доступную защиту. И я закрыл.

Парни за стенкой смотрят с сочувствием. Я быстро отвожу взгляд – понял, что на глазах слезы. Вот только расплакаться у всех на виду не хватало. Словно в школе оказался...

Типографию на пару часов наполнило вязкое молчание – а потом его как ножом разрезало. Мироздание не лишено иронии – и за одно только это его стоит любить. К нам зашел Миша.

Зашел сделать что-то по мелочи, кажется, поменять картриджи для новой работы. Это быстро. Потом заглянул проведать бывшую вотчину.

– Как работается, Илья?

Добрая, хотя и чуть лукавая улыбка, и такой же хитрый прищур еврейских глаз.

И тут бы мне, конечно, выговориться, выплакаться, капитулировать. Попросить забрать с собой, по-

дальше от смещенной линии сгиба, новых и старых косяков, техотдела, принтеров, резаков, компьютеров, подальше от этой тупой стервы, которая прилюдно меня унизила. Чтобы пережить, забыть, отметить этот день. Чтобы не вспоминать, что я вообще работал в этой типографии.

Нет, сдержался. Или испугался. Хотя чего уже бояться? Я еще в январе решил уходить. Уже отправил тестовое, скоро собеседование.

Без тебя не очень, Миша. Делаю акцент на «без тебя» – пусть слышит. Тамара, в смысле. Мягкий Мишин голос звучит еще мягче, чем обычно, в нашей комнатке, стеклянные стены которой все еще дрожат от крика.

Миша понимающе кивает. Он всегда понимал больше остальных. Мне повезло работать с ним, но все заканчивается, а везение – в первую очередь.

...Я не буду говорить, что мы расстались с Тамарой тепло. Я просто простился со всеми в тот последний день, пару недель спустя. Ей сказал – «пока». Может быть, она даже не повернулась. Или, наоборот, что-то сказала на прощание, какое-то напутствие. Кажется, у нее действительно были какие-то проблемы в семье. Не мое дело. Мне было легко и радостно уходить. И в том была заслуга Тамары.

Не буду сочинять, что совсем не вспоминал Тамару. С головой уйдя в другую сферу, первое время вспоминал, и часто, вспоминал со злорадством и облегчением. Потом забыл. А недавно просто ввел ее имя и фамилию в поисковую строку в «ВКонтакте». Отфотошопленная аватарка. Фамилия нового мужа. Город Мытищи. Где это? Под Москвой, кажется?

У Леры, кстати, дела отлично, если верить тому же в «ВКонтакте». И волосы все такие же красивые.

Ты была не права, Тамара. Впрочем, тебе на это плевать – как и мне. Мы и запомнить-то друг друга не должны были. Хотя ты и не запомнила, наверное. Или запомнила нелепого паренька, который косячил. Да уж... Лучше бы первое.

Но, к счастью, мы все равно никогда больше не встретимся, Тамара. Хотя какая ты, на хрен, Тамара, Катя?

